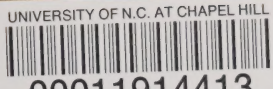
PG3476
.D65
K25
1925



БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

ПАВЕЛ ДОРОХОВ

КАК ПЕТУНЬКА ЕЗДИЛ К ИЛЬИЧУ

«НОВАЯ МОСКВА»

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МК РЛКСМ

П. ДОРОХОВ

PG3476
D65
K25
1925

КАК ПЕТУНЬКА ЕЗДИЛ К ИЛЬИЧУ

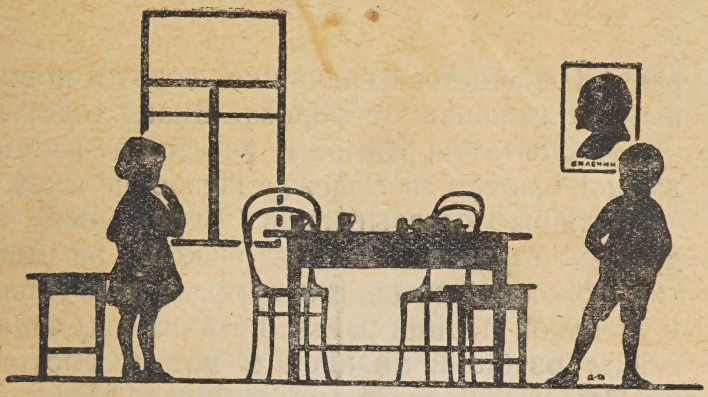
KAK PETUN'KA EZDIL K IL'ICHU

„НОВАЯ МОСКВА"
1925

The Library
The University of North Carolina
Chapel Hill

Отпечатано в 3-й типографии и слов. „Красная Пресня“ „Мосполиграф“, Малая Грузинская ул., Охотничий пер., дом 5/7.
Мосгублит № 7632.
Тираж. 20.000 экз.

The Library
The University of North Carolina
Chapel Hill



1.

Сегодня на стол накрывать Катюше, а она ленится. Нехотя передвигает ногами, сердито гремит жестяными кружками.

Из окон, густо запорошенных пушистым белым ковром, мутно льется свет. По ковру разрисованы причудливые узоры, самим никак не выдумать такие елочки, цветочки да завитушки разные. Ишь, как извиваются.

Катюшу потянуло к окну. Ткнула мизинчиком в стекло, на пушистом ковре осталась круглая ямка. Ткнула в другом месте, — опять ямка. Повела пальчиком по затейливым узорам, — пальчику холодно.

Задумалась Катюша. Теперь у них в деревне на санках катаются. Горки понастроили, водой облили. Сядешь на ледянку да с горки прямо в реку, да по льду — жжик! — на другой берег. Ветер в ушах свистит, дух зами-

рает. Трепещется сердчишко, горят и пощипывают голяшки от мороза. Визг, хохот.

— Опять ты, Катюша, на стол не накрываешь! Смотри, я Надежде Ивановне скажу!

Катюша оглядывается. Перед ней ее друг — Петунька. За Петунькой, на противоположной стене, в полумраке дядя Ильич в узенькой черной рамке. Катюша задумчиво кладет озябший мизинец в рот и смотрит на Ильича Дядя Ильич хмурится. Это оттого, что Катюша ленится, нынче ее день, ей дежурить, а она капризничает и ленится.

— Ты еще хлеба не подала, эх, ты, рохля!

Петунька замечает, что Катюша смотрит мимо него, оборачивается, несколько времени пристально разглядывает Ильича и говорит:

— Видишь, дядя Ильич сердится.

Катюша исподлобья взглядывает на Петуньку, потом опять на Ильича и качает головой.

— Нет, он добрый.

— Нет, сердитый, смотри, хмурится как.

Действительно, непонятно — не то дядя сердится, не то добрый.

Как ни уверена Катюша, что дядя Ильич добрый, а все же и ей кажется, что вот-вот он раскроет губы, погрозит на нее пальцем и скажет:

— Смотри, Катюша, ты опять ленишься, я скажу Надежде Ивановне.

А уж Надежда Ивановна сейчас с выговором.

Катюша со вздохом идет в кухню за хлебом.

2.

Петунька с Катюшей из одной деревни.

Поехал Петунькин отец в город, сынишку повез, сосед и говорит:

— Вези, Иван, и мою Катюшку, может, там и выживет, а уж нам не иначе скоро ноги протягивать.

Взял Петунькин отец и Катюшу. Привез в город, сдал в детдом и уехал. Как сейчас помнит это Петунька. Молча стоит перед ним отец, гладит черной высохшей рукой свалявшиеся в сосульки Петунькины волосы. Дрожит голос у отца.

— Ну, Петунь, живи... как-нибудь прокормишься... А уж мы... Ну, там, ежели что... Прощай, сынок.

И уехал.

С тех пор Петунька его не видал вот уж целых два года. Слов нет, сытно в детдоме, хорошо кормят, а все-таки так хочется иногда домой.

До слез жалко маленькую степную речонку, густо заросшую лозняком, ветхие, почер-

невшие от времени ветрянки, осиновую рощу за речкой. Жаль и глубокий овраг, куда бегали за ласточкиными гнездами.

Так иной раз размечтается Петунька, что вот взял бы да и убежал из детдома. Но деревня далеко, вряд одному найти. Из того города, куда привез отец, увезли в другой, где был урожай. И это ничего, все равно ушел бы, да не знаешь, как дома-то, не то есть кто в живых, не то нет. Чай, приехали бы, если б живы были. Неужли бросят? Может, и живы, да опять, наверно, неурожай.

Подолгу стоит Петунька перед портретом Ильича. Вот бы кому рассказать, поди-ка, все знает. Надежда Ивановна говорила, что все знает.

— Ишь, лбище-то целый каравай,— думает Петунька,— как у покойника дедушки Назара.

Ильич смотрит чуть прищуренным глазом и, кажется Петуньке, одобрительно улыбается.

3.

Вечерами все собираются в столовой. В потолке под темно-зеленым абажуром ярко горит большая электрическая лампа За длинным столом девочки возятся с рукодельем,— кто с чулком, кто варежки ребятам вяжет,

кто мастерит из разноцветных тряпочек платье для куклы. Мальчики строгают дощечки да палочки, стукают молотком, возводят из бумаги и картона какие-то замысловатые постройки. Часто Надежда Ивановна читает вслух книжку. Тогда все бросают свои дела и с замиранием сердца слушают рассказы про маленьких детей, таскавших снаряды и пищу своим отцам, дравшимся с белогвардейцами. Храбрые дети смело пробирались к врагу, высматривали его расположение и возвращались благополучно назад.

Петунька мечтательно смотрит перед собой и уже давно не слышит, что читает Надежда Ивановна.

Эх, вот бы и он, Петунька, так!

Представляется Петуньке глубокий овраг в их деревне, прячутся за оврагом белогвардейцы, пришедшие из степей. Надо узнать, сколько их и что они думают делать. Кому поручить пробраться к белым? Ну, ясно, Петуньке. Кто же лучше него заберется на самое высокое дерево, кто скорее всех разыщет ласточкино гнездо и вскарабкается туда по отвесной стене оврага?..

Бежит Петунька к оврагу, ползет по глубокому сырому дну, осторожно переползает на другой берег, бесшумной полевой мышью пробирается вплотную к врагам, считает, сколько их, подслушивает их разговоры.

Так же осторожно переползает обратно через овраг, быстрым ветром мчится по полю, рассказывает все мужикам, вместе с ними нападает на беляков и разбивает их...

— Петуня, спишь?

Петунька вздрагивает, открывает глаза.

— Нет, не сплю, Надежда Ивановна.

Все весело смеются.

4.

Утро.

На дворе, должно быть, мороз, окна все еще запорошены толстым снеговым ковром. Столовая в полумраке. Чуть позванивают жестяные кружки, вкусно пахнет свежим подрумяненным калачом. От большого медного чайника, стоящего посреди стола, идет пар, и маленькие фигурки детей возле чайника как в тумане. Когда выходит Надежда Ивановна, все шумно начинают пить.

В окно стукнули.

— Почта!— встрепенулись ребята.

В это время всегда приносят газету. Петунька и Мишка бросаются в коридор.

— Петуня, Миша, куда вы раздевши!— кричит вдогонку ребятам воспитательница.

Петунька успевает вперед Мишки, хватает газету и мчится с нею к Надежде Ива-

новне. Надежда Ивановна кладет газету возле себя, наливает кому-то из маленьких чай.

Детям не терпится.

— Надежда Ивановна, читайте!

Воспитательница развертывает газету. Вдруг бледнеет наклоняется ниже, впивается глазами в задрожавшую в руках газету. Потом откидывается на спинку стула, хватается рукой за сердце.

— Дети... дети.. дяди Ильича нет!..

Голос у Надежды Ивановны тихий, вздрагивающий. Газетный лист прыгает в руках. Тоскливыми глазами обвела вдруг примолкнувших детей.

— Ильич умер.

Катюша шмыгнула носом, бросилась к Надежде Ивановне, спрятала у ней в коленях лицо и заплакала. Надежда Ивановна нагнулась над девочкой, нежно погладила золотистые кудряшки Катюшины. Заплакали другие. Петунька подбежал к самому маленькому, Федюрке, своему любимцу, вытер ему нос подолом рубахи.

— Не плачь, Федек, не плачь.

Совал ему в руку кусок хлеба, гладил по колючей, стриженной головенке.

— Не плачь, Федек, не плачь.

Надежда Ивановна подошла к портрету Ильича. Возле столпились ребятишки. При-

стально посмотрел Петунька на Ильича и подумал:

— А, ведь, верно Катюша говорит, что дядя Ильич добрый.

Надежда Ивановна покачала головой и как бы про себя задумчиво сказала:

— Ах, Ильич, Ильич.

И вдруг Петуньке показалось, что круглые губы Ильича дрогнули в ласковой улыбке, хитро подмигнул левый прищуренный глаз:

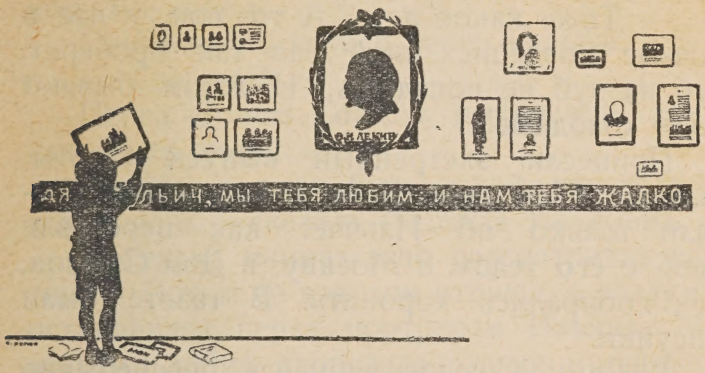
— Не тужи, Петунь, не пропадем!

5.

После чая плели венок из мелких сосновых веток. Из красного и черного полотна делали перевитую раму для портрета Ильича. Внизу и вверху рамы прикрепили два больших черных банта. Из журналов и книг, потихоньку от Надежды Ивановны, вырвали все картинки, где дядя Ильич был изображен в том или ином виде. Сделали из черной материи рамочки для каждой картинки, прикололи булавочками к стене, а по стене, под всеми картинками протянули длинную красную ленту с надписью:

— Дядя Ильич, мы тебя любим, и нам тебя жалко.

Петуньке было жаль Ильича глубоким жалостливым чувством. Как будто второй раз умер дедушка Назар, в котором Петунька души не чаял. Прикалывая к стене картинки, нет-нет да и взглянет на портрет. Сейчас же защемит сердце, часто-часто заморгают глаза, зашмыгает непослушный нос.



Вечером Надежда Ивановна рассказывала детям об Ильиче. Затаив дыхание, слушали. Катюша положила растрепанную белокурую голову на колени к Надежде Ивановне и с полуоткрытым ртом смотрела ей в лицо. Как живой проходил перед детишками Ильич. Прятался от врагов, строил в поле шалашик и жил в нем, пока друзья Ильича — рабочие и крестьяне не прогнали фабрикантов да помещиков и не пришли за ним.

В большой комнате тихо. За окном изредка пройдет пешеход, проскрипят полозья по снегу.

Кто-то из детишек вздохнул:

— Ему было холодно?

— Да, нет, не больно холодно, — сказала Надежда Ивановна, — это было летом.

Петунька встрепенулся.

— Тоже какое лето. А то, вон, у нас в ночное поедешь, иной раз так проберет, зуб на зуб не попадешь. И летом бывают ночи холодные.

Принесли экстренный выпуск газеты. Надежда Ивановна снова читала вслух. Писали только об Ильиче: как перевезли гроб с его телом в Москву, в Дом Союзов, как собирались хоронить. В газете были рисунки.

К Дому Союзов тянулись беспрерывно огромные толпы народа. Был портрет Ильича в заваленном цветами гробу. На другой картинке гроб стоял в большом зале, среди огромных, как деревья, цветов. У гроба, по углам, неподвижно застыли четыре красноармейца.

Дети бросились смотреть картинки. Петунька тянулся через головы других, долго всматривался в Ильича. Вдруг, пряча глаза от Надежды Ивановны, спросил негромко:

— Всех пускают смотреть?

— Всех, милый.

У Петуньки совсем перехватило голос.

— И маленьких?

— Да, и маленьких.

Катюша была к картинкам ближе всех.

— Смотри, смотри, Петуньчик, вот маленьких ведут!

Ткнула крошечным, с обгрызанным ноготком, мизинцем.

Петунька потянулся через головы.

— Где, где?

Перед Домом Союзов вытянулась длинная лента людей.

— Это, должно быть, такой же детдом, как и наш, — сказала Надежда Ивановна.

Петунька внимательно рассматривал картинку. Потом со вздохом отошел, в раздумье остановился перед портретом Ильича. Маленький лобик прорезала тонкая морщинка.

6.

На дворе играли в снежки. Петунька отвел Катюшу в сторону и таинственно сказал:

— Чего я тебе скажу... Только ты, смотри, никому не говори.

Катюша подняла на Петуньку светлые серые глазенки и кивнула головой.

— Нет, не скажу.

— Правда, не скажешь?

— Правда.

Петунька нагнулся к Катюше и торопливо зашептал:

— Я хочу поехать в Москву, Ильича посмотреть.

— Один? — испуганно спросила Катюша.

— Один.

— Надежда Ивановна не пустит.

— А я убегу, — мрачно и решительно проговорил Петунька. — Только ты, смотри, молчи.

Катюша тряхнула выбивавшимися из-под платка белокурыми кудряшками и серьезно сказала:

— Ладно.

Петунька отошел. Теперь, когда поделился тайной со своей подругой, стало легче, слишком тяжело было таить все про себя.

Катюша долго стояла на одном месте и думала. Потом, когда Петунька пробегал мимо, вдруг позвала его.

— А на чем ты поедешь?

— На машине.

— А есть чего будешь?

— Хлеба за обедом спрячу и за ужином спрячу.

Мотнула головенкой. Больше никаких возражений у нее не было.

За обедом Петунька сидел молчаливый и сосредоточенный.

Ел не спеша и делал вид, что очень занят едой. От своего ломтя отламывал крошечные кусочки, клал в рот и медленно прожевывал. Выбрал минуту, когда на него никто не смотрел, и сунул недоеденный кусок в карман. Есть все же хотелось. Нерешительно, стараясь не обращать на себя внимания, протянул руку к тарелке с хлебом, взял еще кусок. И этот кусок, когда с'ел его до половины, спрятал в карман.

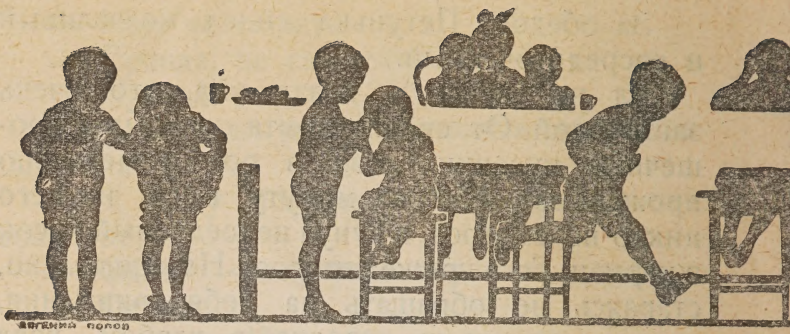
С кусками хлеба ходить было неловко. Все время боялся, как бы кто нечаянно не дотронулся до кармана и не узнал, что у Петуньки там хлеб. Пошел в спальню, будто шапку искать, порылся около своей постели и спрятал оба куска под подушку. Перед тем как ложиться спать, подошла Катюша и незаметно от других сунула в Петунькину руку большой ломоть хлеба.

— Вот, возьми, это я для тебя спрятала.

Петунька с ломтем в руках быстро юркнул под одеяло.

7.

Дети долго возились в своих постелях и никак не могли уснуть. Разговаривали об Ильиче, завидовали тем детям, которых видели на картинке в газете.



— Счастливые. Они увидят Ильича. Вот если бы наш дом был в Москве, и нас бы Надежда Ивановна повела.

— Конечно бы повела.

Кто-то глубоко, по-взрослому, вздохнул. Некоторое время все молчали.

Гришка, мальчик из Симбирска, заметил, что Ильич из одной с ним, Гришкой, губернии.

— Не хотелось, должно быть, умирать товарищу Ленину, — задумчиво сказал Гришка.

— Ну, конечно, кому хочется.

Стали рассказывать друг другу, кто видел, как умирают.

— Страшно, должно быть, умирать.

— Нет, вот нисколечко не страшно, — отозвалась бойкая черноглазая Нюрка.

Все повернули к ней головы.

— У меня бабушка умирала, и совсем не было страшно. Наши были все в поле, дома только мы с бабушкой оставались. Вот бабушка и говорит мне: — „Поди, Нюра, чурачков со двора принеси, печку истопим". — „Зачем,— спрашиваю,—бабушка?". — „Водицы согреть, смерть моя подходит" — Я испугалась и заплакала.—„А ты,— говорит,— не бойся, совсем это не страшно". — Я принесла чурачков со двора, бабушка затопила печь, согрела воды чугунок. Потом вымылась, надела чистую рубаху да сарафан кубовый с цветами, давно у бабушки этот сарафан берегся. Сдвинула в переднем углу две лавки, легла на них, сложила руки на груди и сказала: „Ну, теперь, внучка, ступай, побегай, я одна побуду". — Я пошла на улицу да и забыла про бабушку, с девчатами заигралась. Потом вспомнила вдруг, побе-

жала к окну, гляжу,—спит бабушка. Опять играть побежала. Приехали наши с поля, вошли в избу, а бабушка мертвая.

Долго еще разговаривали детишки. Петунька терпеливо ждал. Давно притворился спящим и даже тихонько похрапывал.

Кто-то позвал:

— Петунь, спишь?

Петунька не ответил.

— Спит. Ну, давайте и мы спать.

Мало-по-малу все заснули. Петунька подождал еще немного, приподнял голову, прислушался. Во всем доме тихо. Ровно и спокойно дышали ребята.

Где-то в углу, под кроватью, осторожно царапалась мышь. На улице свистел ветер, брызгал в окна мелкой снежной пылью, хлопал неприкрытый на ночь ставень.

— Должно быть, забыл Иван прикрыть,— подумал Петунька про дворника.

Тихонько приподнялся, нащупал чулки и валенки, вытащил из-под головы еще с вечера запрятанные пальто и шапку и с бьющимся сердцем пошел в кухню. Осторожно отворил дверь, шагнул вперед и вдруг в ужасе отшатнулся. На стене кто-то висел, белый-белый. Похолодел Петунька, побежали мурашки по телу, чуть удержал крик. Потом, поборов страх, подошел ближе и увидал, что это полотенце. Глубоко и облегченно

вздохнул. Снял полотенце со стены, туго, по-мужицки, перетянул пальтишко, переложил хлеб за пазуху, чтобы было удобнее итти, и тихо вышел на двор.

Дул холодный ветер, крутил колючую снежную пыль. В серых тучах кувыркался бледный месяц.

Ворота были на замке. Недолго думая, Петунька вскарабкался на забор, оглядел в обе стороны улицу и спрыгнул вниз. Надвинул поглубже шапку, натянул варежки из верблюжьей шерсти и, широко размахивая руками, быстро зашагал к вокзалу.

8.

Метет поземка. Знобкий ветер дует Петуньке в спину, подгоняет. Вдали мутными бельмами фонарей блеснул вокзал. Петунька пробрался на платформу, прошелся по ней взад, вперед. Никакого поезда не было. Затужился Петунька.

— Что ж делать? Спросить кого-нибудь? А вдруг спросят — зачем тебе?

Ехать все-таки надо было. Увидал проходящего мимо человека в белом фартуке, подошел.

— Дяденька, где тут поезд в Москву?

Человек мельком взглянул на Петуньку и, не отвечая, пошел дальше. Потом обернулся и сказал:

— Вон, спроси своих товарищей, они лучше меня знают.

И указал на двух мальчишек в конце платформы, перепрыгивающих с ноги на ногу. Не поверил дяденьке, думал, что тот шутит. Ну, что могут знать эти мальчишки, такие же как и он, Петунька? Сам, однако, потихоньку придвигался к мальчишкам и, остановившись невдалеке, стал их внимательно рассматривать.

Один подошел к Петуньке, молча осмотрел его с ног до головы и дружелюбно, как старого знакомого, спросил:

— Ты куда едешь?

— В Москву.

— Ну, вместе поедем, мы тоже туда. А ты был там когда, или в первый раз едешь?

— В первый.

— Зеленый еще, значит,—снисходительно улыбнулся мальчишка.—Ну, мы стрелянные воробьи, вот уж в третий раз в Москву.

— Зачем?

— Да так, ни за чем. Вот прокормимся с месяц, а там еще куда-нибудь ударимся. Сейчас мы из Томска едем, надоело там.

— А далеко это?

— Далеко, вот третью неделю едем. Поедем, поедем да где-нибудь и отдохнем, — или на поезд сесть не удастся, или еще что.

— Эх, как далеко! — искренно удивился Петунька.

— Это что, — сказал мальчишка, — я прошлый год на Кавказе был. Вот, брат, страшно где. Горы высоченные, вылезешь на станции из ящика, глянешь кругом, мать ты моя честная, как в мышеловке какой, горы, горы, конца краю нет.

— Из какого ящика? — спросил Петунька.

— А мы в ящиках ездим. Да ты что, разве никогда не ездил в ящиках?

Петунька виновато покачал головой.

— Нет, не ездил.

— Да ты по машине-то ездил когда?

— Однова с отцом в город ездил. С детдомом в другой город переезжал.

Мальчишки засмеялись.

— Эх ты, однова! Совсем зеленый... Ну, вот, увидишь, как мы ездим. Тебя как звать?

— Петунькой.

— Меня Семкой, а вот его, — показал он на другого мальчишку поменьше, — Васькой. Ты зачем в Москву?

Петунька немного подумал, — сказать или не надо. Нет, лучше сказать, раз вместе ехать, так нечего скрывать.

— Товарища Ленина смотреть.

Ни Семка, ни Васька ничуть этому не удивились.

— Мы еще в Сызрани слыхали, что товарищ Ленин умер.

Васька спросил:

— Ты не видал его?

— Нет.

— А я прошлый год на Красной площади товарища Троцкого видал.

Петунька с завистью посмотрел на Ваську и подумал:

— Ишь ты, ростом меньше меня, а тоже...

А вслух спросил:

— Соро мы поедем?

— Теперь скоро, через час должен притти поезд.

Ребята опять запрыгали с ноги на ногу.

— Эк, мороз-то, дух стынет!

— Кусочек бы хлебца теперь, — сказал Васька, — в кишках урчит.

Петунька молча вынул из-за пазухи ломоть хлеба, разломил его пополам и подал ребятам. Ему ничуть не было жаль ломтя, теперь не один едет, с новыми товарищами доберется; видать, опытные мальцы.

Вдали запел рожок. Ему ответил другой ближе и громче.

— Как у нашего пастуха Никандра, — подумал Петунька.

Из-за поворота блеснул двумя огненными глазами паровоз. Шумно вздыхая широкой железной грудью, подкатил к вокзалу и остановился.

Мальчишки встрепенулись.

— Ну, теперь не отставай, смотри!

Из вагонов гурьбой повалили пассажиры. Суетились служащие. Бегали люди в белых фартуках, вынося пассажирам багаж. У Петуньки зарябило в глазах.

Ребята двинулись вперед. Зашли по другую сторону поезда и направились к хвосту, заглядывая под каждый вагон. Петунька сначала не понимал, в чем дело, потом заметил, как Семка открывал дверцу приделанных под вагонами больших ящиков и заглядывал внутрь.

— Вот, черти, — сказал недовольно Семка, — везде битком!

В самом хвосте поезда один ящик оказался пустым. Только было Семка хотел юркнуть в него, как проходивший мимо человек с фонарем в руках крикнул сердито:

— Эй, вы, пассажиры, я вот вам задам!

Семка, как ни в чем не бывало, прошел дальше.

— Вот еще кондуктора нелегкая принесла, — негромко сказал Васька, шагая рядом с Петунькой.

Как только кондуктор скрылся по другую сторону поезда, Семка в один миг подскочил к вагону, открыл дверцу ящика и юркнул внутрь, тотчас же захлопнув за собой дверцу.

— А мы как же?— спросил с беспокойством Петунька оставшегося с ним Ваську.

— Сейчас и мы полезем.

Прошлись возле вагона, будто так, от нечего делать. Васька огляделся кругом.

— Ну, дуй!

Подскочил к ящику, открыл дверцу.

— Лезь скорей!

Петунька с сильно бьющимся сердцем полез. Васька подтолкнул его сзади, влез сам, захлопнул ящик. В ящике было темно. На острых поленьях лежать жестко и неловко.

— Лезь сюда,— услыхал Петунька из темноты голос Семки.

Тотчас же протянулась Семкина рука, схватила Петуньку и поташила в угол. Васька лежал крайним. Осторожно, стараясь не загреметь дровами, перекладывал их к дверке ящика, чтобы загородиться за ними.

— Ну, вот, теперь пусть смотрят.

Плотно прижались в углу ящика и замолчали, будто и нет их. Вдруг кто-то подошел к их вагону, заглянул внутрь ящика, пошарил рукой и негромко спросил:

— Есть кто?

— Есть,— тихо ответил Васька.

— Куда?

— В Москву.

Чужой мальчишка захлопнул двер и отошел.

После второго звонка кто-то опять подошел. Внутренность ящика осветилась фонарем.

— Эй, есть кто, вылезай, все равно дорогой высажу!

Ребята пришипились за дровами, затаили дыхание. Дверка захлопнулась.

Семка тяжело передохнул.

— Ну, пронесло грозу. Скоро, что-ли, звонок?

И как будто кто подслушал ребячью тоску,—гулко пробило три звонка.

Поезд дрогнул, раз, другой и медленно отошел от станции,

Вспомнил Петунька о детдоме, о Надежде Ивановне, о товарищах,

— Вот хватятся.

Сначала было страшно. Беспрерывным гулом гудели колеса, дрожало дно ящика. Казалось, что вот-вот все рухнет вниз под тяжелые железные колеса и... Было жутко думать о том, что будет дальше. Откуда-то холодной струйкой просачивался ветер, пробирался под тонкое пальтишко и леденил тело. Петунька прижался плотнее к Семке, подобрал ноги и под равномерное покачивание вагона вскоре уснул.

9.

От неожиданного толчка Петунька проснулся. Было темно. Рядом кто-то тихо разговаривал. Сначала было испугался, потом вспомнил, где он.

— Вы здесь?

— Здесь. Выспался?

— Выспался.

— Сейчас вылезать будем. Хочешь вылезать?

— Хочу.

Васька открыл ящик, высунул голову, осмотрелся и вылез наружу. За ним вылезли и Петунька с Семкой.

— Стрельнуть бы теперь,— сказал Семка,— может, на фунт ситного настреляем. А то страсть жрать хочется.

— Хочется,— согласился Васька.

За станцией бабы торговали всякой всячиной: булками, колбасой, студнем, яйцами. Ребята опытным взглядом окинули снующую взад-вперед толпу, выбрали высокого большебородого пассажира в хорошем, черной дубки, полушубке. Васька подлетел к пассажиру.

— Дяденька, дай копеечку, есть хочется!

Чернобородый пассажир весело взглянул на малюсенького Ваську, вертевшегося волчком у его ног.

— Больно тебе хочется есть?

— Страсть как хочется, дяденька,— улыбнулся Васька, ободренный веселым взглядом чернобородого,— со вчерашнего дня не ели.

И вдруг, показывая на Петуньку, доверчиво сказал:

— Да мы бы с Семкой вытерпели, вон новичок с нами, он не вытерпит. Он товарища Ленина едет смотреть.

— Ленина смотреть?— удивленно переспросил мужчина.

— Да. Он из детдома убежал, потому что одного не пускают.

Высокий пассажир сразу стал серьезным. Внимательно поглядел на Петуньку.

— Ну, все пропало,— с тоской подумал Петунька,— и надо было этому Ваське выскочить с языком. Сейчас задержит и отправит назад.

С'ежился под пристальным взглядом пассажира.

А тот полез в карман, вынул новую хрустящую бумажку и протянул Ваське.

— Ну, вот вам, держите!

Васька засиял, подхватил деньги.

— Спасибо, товарищ!

Кинулись за станцию, к бабам. Купили белого хлеба и колбасы. Семка вынул из кармана складной нож, тщательно разделил хлеб и колбасу на три равные части и дал

каждому из товарищей. Петуньке колбаса понравилась, ел ее в первый раз. Мигом с'ел всю, облизал языком губы, плотно вздохнул,

— Попить-бы.

Ребята дожевали свои доли.

— Пойдем.

В вокзале стоял небольшой зеленый боченок. Тут же висела на железной цепочке кружка. Напились, животы были туго набиты.

Приятно отрыгивалось колбасой. Прошлись по платформе вдоль всего поезда, с спокойным любопытством посмотрели на людей, торопливо метавшихся взад-вперед. Потом перешли на другую сторону поезда и по-одному, не спеша, влезли в ящик. Только успели улечься, пришел проводник за дровами. Набрал кучу дров и ушел.

— Чорт, напугал как,— сказал Семка.

Проводник пришел опять и стал брать дрова с той стороны, где лежали ребята. Васька осторожно подтянул ноги. Проводник нащупал Васькины валенки и добродушно сказал:

— Эй, пассажир, подбери ноги, отморозишь!

Петунька замер. Ну, теперь пропало все. Сейчас придет милиционер, вытащит их из ящика и хорошо, если только прогонит.

А то могут и назад отправить. Чей, да откуда, да зачем?

— Сейчас выгонит, — прошептал Петунька испуганно.

— Ну, нет, — таже тихо отвечал Семка, — что ему — жалко?

Но по голосу Семки Петунька чувствовал, что и тот неуверен.

Ребята прижукли. Мимо бесперечь ходили люди. Иногда казалось, что останавливались у самого ящика. Тогда сердце у Петуньки начинало биться так, как будто только-что пробежал целую версту на-перегонки. Так и казалось, что вот-вот откроется дверка ящика, грубая рука схватит за ноги, выволочет наружу...

Зябко с'ежился в крошечный комочек, будто и не он, будто не Петунька.

— Эх, сидел бы дома...

— Как долго звонка нет, — с тоской прошептал Васька.

Да, долго. Так бы, вот, и выскочил Петунька из ящика, ударил в колокол.

Медленно проплыли два гулких удара.

— Ну, теперь не придет.

— Конечно, не придет, что ему — жалко?!

— Добрый, наверно, — тихо сказал Петунька, — видит, маленькие, жалко стало.

— Должно быть, добрый, а то иной раз такие собаки встречаются, прямо на каком-

нибудь полустанке вышвырнет тебя, как кутенка, хоть проси, хоть плачь, ничего не помогает. А на маленькой станции оставаться хуже нет, с голоду сдохнешь: ни кусочка, ни копеечки, ничего не добьешься.

— Непонимающий народ, буржуй, — уверенно сказал Васька, — до голодного человека им нет дела.

— Дон... Дон... Дон...

Пронзительно рассыпался горошком кондукторский свисток, ответил густо и отрывисто паровозный гудок.

Семка не выдержал:

— Ура, братва, поехали!

В тот же миг открылась дверца ящика, и кто-то на ходу юркнул к ребятам.

— Кто тут? — испуганно закричали мальчишки.

— Свой, — неторопливым простуженным баском отвечал чужой мальчишка, устраиваясь на дровах.

— Скорей закрой дверь, чорт, лазишь тут! Что тебе не было времени раньше залезть?

Новый пассажир захлопнул дверцу, подполз ближе к ребятам.

— Да раньше я давно пытался, да все народ.

— Куда тебе?

— В Москву.

— И мы в Москву. Ну, ладно, двигайся ближе, замерзнешь там с краю.

Мальчишка перелез через дрова.

— И то, братцы, замерз. У вас пошамать есть?

— Нет, браток, сожрали все, колбаса была, хлеб был. Что бы тебе пораньше к нам пристать.

У Петуньки за пазухой лежал кусок хлеба, вывезенный еще из детдома.

Петунька был сыт, во рту все еще чувствовался приятный вкус колбасы.

Достал кусок, протянул новому товарищу.

— Где ты там, держи.

Мальчишка замерзшими пальцами нащупал Петунькину руку, взял хлеб и с чувством сказал:

— Вот, спасибо, братишка!

И молча засопел, уплетая кусок за обе щеки.

Поезд летел птицей. Дуло снизу, дуло в неплотно закрытую дверцу. Ветер пробирался под плохую одежонку. Ребята, скорчившись в три погибели, прижались друг к другу.

— Знобко, — сказал из темноты новенький мальчишка, лежавший с краю.

Семка пожалел.

— Лезь сюда, мне не холодно.

Мальчишка свернулся калачиком между Семкой и Петунькой и быстро уснул.

— Маленький еще, — с лаской в голосе сказал Семка, — мамку надо.

10

В Москву приехали на рассвете. Ребята провели Петуньку в дальний угол вокзала. Здесь вповалку, тесно сбившись в кучу, спали дети. Некоторые были закутаны в тряпье, другие в мешки. Торчали из кучи ноги в рваных ботинках. У иных ботинки были одеты на босую ногу, короткие штанишки подобрались вверх, просвечивало голое тело.

— Ну, вот, Петунька, если тебе понадобится что, приходи прямо сюда, спроси у ребят: где, мол, Семка - матрос, всякий скажет.

Вывели Петуньку из вокзала.

— Вон, держи прямо под мост, тут тебе всякий скажет, где Дом Союзов. А то, вон, замечай, четвертый или шестой трамвай пойдет прямо туда, так за ними и дуй.

Ребята дружески распрощались с Петунькой.

— Да мы еще увидимся, мы тоже придем к Дому Союзов.

Петунька прошел через площадь, миновал мост и остановился, — перед ним расходилось несколько улиц.

— Куда итти?

Вспомнил, что ребята говорили про трамвай, и стал дожидаться. Показался вагон № 6. Петунька подождал, пока вагон прошел мимо, заметил, куда тот повернул, и тронулся по этой улице. Потом его обогнал № 4, потом опять шестой, и Петунька упорно подвигался по этому пути. Стали попадаться колонны людей с флагами и венками, и чем дальше Петунька шел, тем чаще попадались колонны. Все шли по одному направлению. Петунька догадался, что люди идут к товарищу Ленину, и пошел за одной из таких колонн.

На большой площади остановились. Петунька сунулся было дальше, дорогу загородили конные милиционеры. Вдали, в глубине площади, насколько хватал Петунькин глаз, перед большим домом выянулась бесконечная людская лента с знаменами и венками. Петунька сразу узнал Дом Союзов по картинкам. С дома спускались длинные полотнища — красные и черные, на полотнищах виднелись надписи.

Сзади беспрерывным потоком подходили люди. И все знамена, венки, знамена, венки. Засмотрелся Петунька. Вдруг на него налетел молодой парень, обхватил руками.

— Давай поборемся, карапуз!

И стал нарочно валить Петуньку наземь. Петунька посмотрел на веселое и ру-

мяное от мороза лицо парня, и ему самому стало весело. Шмыгнул носом, вытер его замерзшей варежкой.

— Да, ты большой.

— А ты маленький?

— Знамо, маленький.

На парня наскочил другой парень, сшиб его с ног и со смехом побежал прочь. Первый вскочил и погнался за обидчиком. Подбежали другие, повалили обоих парней.

— Куча мала! Куча мала!

Крутился гигантской воронкой человеческий поток. Горели костры. Петунька протискался ближе к одному из костров, увидал парня, который схватился с ним бороться, подошел к нему.

— Замерз? — спросил парень.

— Замерз.

— А ты попрыгай с ноги на ногу, согреешься.

— Дяденька, товарищ Ленин там лежит? — указал Петунька на Дом Союзов.

— Там. Что, посмотреть хочешь?

— А пустят?

— Пустят, всех пускают. Да ты замерзнешь до тех пор, пока доберешься.

— Вон, ступай с маленькими.

Мимо проводили детишек. Они несли венок из елочек, перевитых красными и черными лентами.

— Они не возьмут, — с грустью сказал Петунька.

— Возьмут. Ты попросись с ними.

— Я не смею.

— Экий ты, братец, несмелый! Ну, пойдем вместе.

Парень взял Петуньку за руку, подошел к группе детей и обратился к ведущей их женщине, должно быть, воспитательнице.

— Товарищ, возьмите мальчика, а то замерзнет!

Женщина взглянула на Петуньку.

— Не знаю как, можно ли чужого.

— Чего нельзя, конечно можно.

Кто-то из детишек сказал:

— Возьмите, Анна Петровна, пусть сзади становится.

— Ну, ступай, становись.

Петунька, не помня себя от радости, побежал в задние ряды. Задний мальчик посторонился.

— Становись рядом, а то у меня как раз пары нет.

Подошел какой-то человек с красным бантом на рукаве и сказал Анне Петровне:

— Проходите, товарищ, с детьми.

Впереди, в широко распахнутые двери, шли взрослые по три в ряд. Немного дальше в другие двери входили тоже по три в ряд. Шумный говор на площади остался где-то

далеко-далеко. Здесь шли молча, обнажив головы. Ложилась тень на лица. Слышалось тихое шарканье множества ног по ступеням широкой лестницы. По бокам застыли часовые.

Издалека донеслась тихая печальная музыка. Так и задрожало все внутри у Петуньки. Значит, близко товарищ Ленин. Людская волна свернула налево. Ослепительный свет ударил Петуньке в лицо. В огромном высоком зале горели тысячи огней. Толпа медленно, в глубоком молчании, подвигалась вперед...

Как сквозь сон слышал Петунька музыку. Не видел огней, цветов, венков. Глаза приковались к Ильичу, к желтоватым рукам, смирно сложенным на груди.

Хотелось заглянуть в лицо, но глаза, затуманенные слезой, не могли рассмотреть ничего, кроме большого светлого пятна.

— Не задерживайся!—тихо сказал кто-то сзади.

Петунька прошел дальше. Стал спускаться по лестнице и вдруг почувствовал, как кто-то крепко-крепко сдавил ему сердце. Опустился на ступеньку, прижался к перилам и, закрыв лицо руками, заплакал.

Анна Петровна сейчас же подошла к нему.

— Что? Что с тобой, мальчик?

Голос у Анны Петровны бы глухой, сдавленный, подергивались губы. Подошел какой-то суровый с виду человек, потрепал Петуньку по щеке и сказал задушевно и тихо:

— Ну, ничего, малец, ничего, как-нибудь...

Анна Петровна взяла мальчика за руку и вывела на улицу.

— Ты откуда? Чей?

Петунька утирал варежкой слезы и молчал. Мальчик, который шел с ним в паре, предложил:

— Пойдем с нами, у нас хорошо.

Анна Петровна нагнулась к Петуньке.

— Да, да, пойдем с нами.

Петунька покачал головой.

— Не хочу.

— Почему?

— Так.

Петунька повернул прочь от детей. Ему опять хотелось пойти к Дому Союзов. Дорогу преграждала цепь милиционеров.

— Нельзя сюда, вон в ту сторону ступай.

Петунька повернул назад. Теперь он знал, что стоит ему пристать к какой-нибудь группе детей, как снова попадает к Ильичу. Петунька не успел рассмотреть Ильича. Перед глазами были только смирно сложенные на груди руки.

Прошел несколько переулков, и вслед за толпой опять вышел к Дому Союзов. Смело подошел к стоявшей в очереди группе детей и встал в заднем ряду. Курносый конопатый мальчишка покосился на Петуньку и сердито сказал:

— Ты зачем сюда встал, ты не наш!

Петунька молча посмотрел на конопатого мальчишку и ничего не ответил.

Мальчишка толкнул Петуньку в бок.

— Ступай отсюда!

У Петуньки зачесались кулаки. Так бы и саданул этого курносого зазнаюшку, да боязно, — тогда уж наверно прогонят. Мальчишка не унимался.

Позвал воспитательницу.

— Марья Васильевна, тут чужой мальчишка!

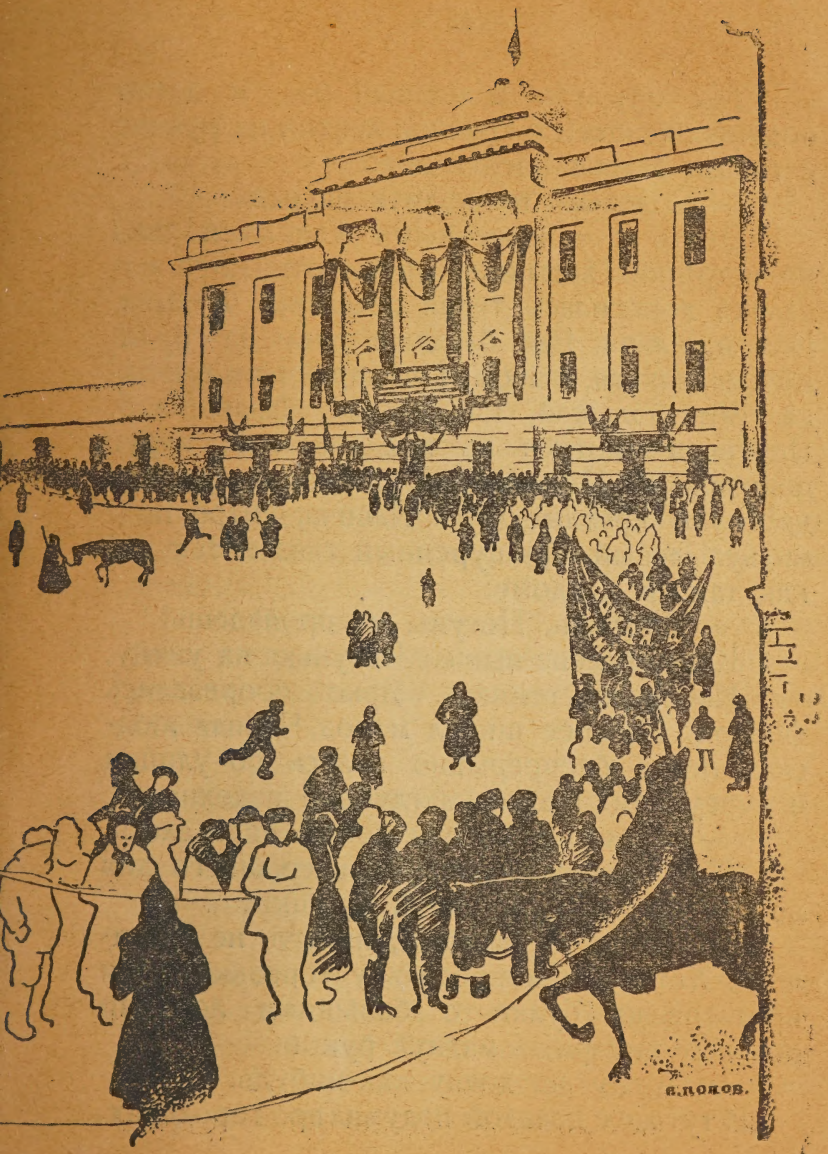
Та подошла.

— Ты что, мальчик?

Петунька исподлобья посмотрел на Марью Васильевну.

— Мне товарища Ленина хочется посмотреть.

— Ну, хорошо, иди, только не шали, смотри! Пусть идет,—обратилась она к курносому мальчишке.


Б.ЛОКОВ.

Так же, как и первый раз, к детям подошел человек с красной лентой на рукаве и сказал Марье Васильевне:

— С детьми проходите вперед.

Опять с обнаженными головами шли по широкой лестнице, опять откуда-то издалека доносилась тихая печальная музыка. Вот и Ильич. Вот бледные руки на груди. Вот маленькая, знакомая по картинкам бородка. Вот большой, как у деда Назара, лоб. Петунька смотрел во все глаза. И вдруг показалось Петуньке: в ласковой улыбке дрогнули круглые губы Ильича, хитро подмигнул левый прищуренный глаз и так же, как там, в детдоме:

— Не тужи, Петунь, не пропадешь!

Как в тумане вышел Петунька на улицу.

Начинало темнеть. Ярко прорезались фонари. Сильнее щипал мороз. Черная людская лента беспрерывно вилась по улицам и переулкам. Петунька глубоко вздохнул.

— Ну, что ж, видать, домой надо ехать.

Почувствовал голод, со вчерашнего дня во рту не было ни одной крошки.

Пошарил за пазухой, ничего не оказалось. Хотел бы попросить у торговки,—так притягивали булки с большими ломтями колбасы внутри,—махнул рукой:

— А, ну ее, доеду как-нибудь.

И тут же с досадой подумал про городских.

— Ишь, булки какие лопают.

Когда дошел до вокзала, совсем стемнело. Направился прямо в знакомый угол. Семка в Васькой были здесь. Обрадованно подошли к Петуньке.

— Ну, что, как, видал Ильича?

— Видал.

— Мы тоже были, три раза проходили с организациями. Ну, как, домой теперь?

— Домой.

— А то бы оставался с нами, — сказал Васька—чего там, в детдоме-то, скучно.

— Нет, братцы, у нас нескучно. Надежда Ивановна книжки читает. Чай завсегда льем.

— Поезжай, поезжай, Петунька, а то, брат, наша-то жизнь—собачья, не всякий выдержит, — серьезно сказал Семка. — Шамать хочешь?

— Хочу.

Семка вынул из-за пазухи кусок хлеба.

— На-ка, пожуй. Скоро и поезд будет.

— Как же я один поеду? — спросил Петунька.

— Мы тебя посадим, а там доедешь как-нибудь и один, из Москвы легче, это сюда нашего брата прет страсть сколько.

Семка озабоченно сдвинул лоб.

— Насчет жратвы как быть, нет у нас ничего, а ты не достанешь.

— Я теперь протерплю.

— Ну, нет, не протерпишь, в дороге страсть как жрать хочется. Да мы чего-нибудь достанем.

Семка отвел в сторону одного мальчишку, потом другого и о чем-то стал с ними шептаться.

— Отдам, небось,—сказал Семка.

Петунька видел, как мальчишки копались в своих лохмотьях и что-то совали Семке в руку. Семка подал Ваське несколько скомканных бумажек и весело подмигнул:

— Ну-ка, Васек, слетай за жратвой.

Васька мигом исчез.

— Пойдем, Петунька, надо пробираться потихоньку.

Вышли из вокзала, прошли какими-то закоулками, какими-то дворами и остановились у высокого крашеного забора.

— Пролазь, я тебя подсажу.

Семка подсадил Петуньку, легко взобрался и сам. Пошли по путям, то и дело подмыривая под вагоны.

— Вот и наш поезд,— сказал Семка.

Посадки еще не было, возле вагонов лишь кое-где стояли проводники.

— Стой тут, а я пойду тебе место искать.

Скоро Семка вернулся. Улыбается.

— Пойдем, плацкартное место разыскал.

Пошли на другую сторону поезда, где не видать было проводников. По путям

мчался Васька. Запыхавшись, подбежал к ребятам, сунул в руки Петуньке завернутый в бумагу кусок студня и хлеб.

— Вот тебе, теперь доедешь.

Петунька растроганно пожал обоим ребятам руки.

— Спасибо, товарищи!

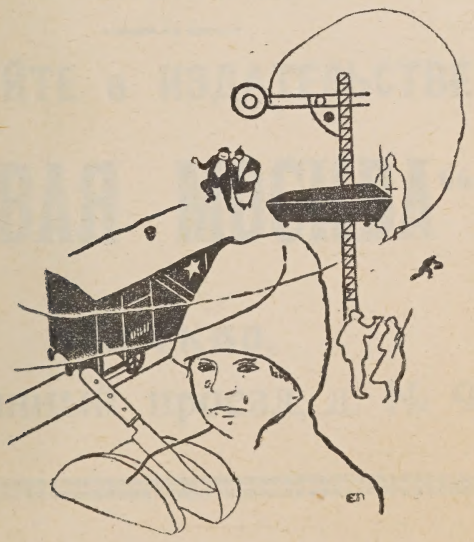
— Ну, чего там, — нахмурился Семка, — лезь.

Петунька юркнул в ящик. Захлопывая дверцу, сказал:

— А то поехали бы со мной, братцы. Надежда Ивановна не прогонит.

Семка только рукой махнул.

— Ладно уж... чего там.



КНИГИ

ПО ПОЛИТОБРАЗОВАНИЮ

ДЛЯ КРУЖКОВ I, II и III СТУПЕНЕЙ

ДЛЯ ГОРОДА, ДЕРЕВНИ и ПИОНЕРОВ

ТРЕБУЙТЕ в ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

„НОВАЯ МОСКВА“

Москва,
Неглинный проезд, д. № 9

ЦЕНА 25 коп.